

Моя грузинская фамилия

Недавно дома раздался телефонный звонок. Тебя ищут, сообщил брат.

– Кто?

– Непонятно, себя не называет, позвонил к нам, желает встретиться немедленно с тобой, собирается приехать. Скорее всего, наш, месхетинец.

Был поздний вечер. Наша невестка, говорившая с незнакомцем по телефону, памятуя кавказский этикет, резонно осведомилась: не кажется ли ему, что для встречи с незнакомой ему женщиной время сейчас неподходящее?

Это замечание, кажется, охладило пыл собеседника. На другом конце провода вздохнули и спросили – ну а позвонить-то ей можно? Ну, разве что завтра, смягчилась невестка и сообщила ему мой номер.

На следующий день энергичный голос назвалась незнакомой мне фамилией. Имя Али ничего не говорило. Приехал с Северного Кавказа.

– Я... – замялся – ... из числа депортированных...

Я сказала, что поняла.

Тут он бодро сообщил, что хочет встретиться со мной. Я спросила, а что его, собственно, интересует?

– Моя грузинская фамилия, – ответил он.

– Очень хорошо, – ответила я. Но почему вы решили, что я могу вам помочь? Незнакомец ответил:

– Мне в Нальчике сказали, что у вас есть все сведения, касающиеся... месхетинцев. – Он явно избегал употреблять словосочетание «турки-месхетинцы». – И наши сказали, и в грузинской диаспоре «Риони». Кстати, они меня и направили к вам.

– Конечно, у меня есть некоторые сведения о фамилиях, – сказала я, – для этого нужно знать ваше родное село.

– Цахани! – возбужденно воскликнул мой собеседник, будто ждал этого разговора всю жизнь.

Честно говоря, мне было некогда. А на встречу нужно было как ми-

нимум полдня.

Я так и сказала ему.

– Пожалуйста, – стоял на своём незнакомый цаханец, – мне очень надо увидеть вас.

Мы договорились встретиться через пару дней. За это время я разобрала свои записи по фамилиям, над которыми работала в разные годы.

Для меня это были очень интересные исследования – когда я несколько месяцев просидела в государственном историческом архиве Грузии, с лупой в руках, изучая потрясающие документы. Попастъ туда удалось с трудом. И к тому же, это была глыба холодного мрамора с ледяными отсеками, в которых сидели архивариусы-божьи одуванчики и скрюченными от старости и мороза руками перебирали шнурованные тома и шелестели древними рукописями,

Это было в начале 90-х – голодных и холодных годах, когда не было хлеба, света, газа, вообще, ничего. Я перебирала купоны, которые получала в свою университетскую зарплату (примерно 5 долларов) и думала – купить мне буханку хлеба, оставить на метро или отдать за оче-

реднюю папку с документами. Архив побеждал, я заворачивалась в серое гуманитарное одеяло (нам выдавали такие), натягивала старые шерстяные перчатки и карандашом (ручек не было) выписывала информацию на обратной стороне старых обоевых рулонов. Тогда я вручную переписала все 180 сел с мусульманским населением, в которых я обнаружила грузинские фамилии. А потом эта работа увидела свет в виде брошюры. Она разошлась мгновенно.

В результате трехлетней работы с архивными документами мне удалось выявить более тысячи грузинских фамилий депортированных месхов. А если быть точной, то 1094 фамилий. В том числе и таких, которых сейчас в Грузии нет. Например, Варскнелидзе. Это очень древняя фамилия.

В поисках своих корней ко мне в разные годы приезжало много людей. Как-то раз приехал один Фома неверующий и начал выпрашивать:

– Кто мы на самом деле? Мы – мусульмане, говорим по-турецки, а на нас вешают грузинство. Тогда где наша грузинская фамилия?

В ответ я сказала, что никто не может навязать ему чужую нацио-

нальность, но если он хочет, мы можем заглянуть в архивные записи.

Гость сказал, что родом он из села Арзне Адигенского района. Он достал бумажку и таясь заглядывал в нее – может, думал, я буду подсматривать.

– Кого будем искать? – спросила я.

Он помялся, но потом все же сообщил, что его прапрадеда примерно 1860 года рождения звали Осман.

Я раскрыла «Посемейные списки Ахалцихского уезда Тифлисской губернии» за 1886 год. И мы тут же обнаружили его за №5 в этих списках села: «Осман Эзиз оглы **Шаганидзе**, 1864 года рождения, магометанин-суннит, народность **грузинская**». Вопросы были сняты.

Помнится, мы оба тогда были потрясены. Он – от встречи поколений, я – что увидела результат своего труда. Архивными поисками я занялась, чтобы найти своих предков, а тут поняла, что эта работа нужна не только мне.

Но это так, к слову.

Мне было интересно, к какой категории месхов принадлежит мой настойчивый собеседник. Их, конечно, множество – этих категорий, со всеми своими нюансами и оттенками. Но главные – две.

Первая, наиболее мне симпатич-

ная. Человек хочет, ну очень-очень хочет дойти до самой сути. Так сказать, до сущности протекших дней, до их причины, до оснований, до корней, до сердцевины.

То есть, выяснить – кто он, откуда, почему выслали его предков и что такое Грузия?

Эти приезжают с открытой душой и сердцем, горящим любовью к своей исторической родине, о которой они знают только по рассказам стариков. То, что это волшебная страна, рай земной. Что горы там до небес, сады изнемогают от изобилия, вода хрустальная, а воздух целительный.

Самое интересное, что все это – правда.

Правда и то, что, ступив на эту землю, они уже чувствуют себя частью этой земли.

И тогда начинают думать – как воплотить мечту отцов и дедов и вернуться к ней? Их не пугают никакие барьеры: отсутствие законов, денег, работы, связей... У них появляется самая крепкая связь – связь с родной землей. И подобно Антею они получают всё новые и новые силы, прикасаясь к матери-земле.

Не будем уточнять, что ностальгия идеализирует родину. Это естественно. Тем более, Месхети ведь нынче – один из запущенных регионов, оторванный от остальной Гру-

зии, нуждающийся в строительнореабилитационных работах. И только слепой не видит, сколько нужно сил и средств, чтобы обустроить ее, нашу малую родину.

Но факт остается фактом – они, о ком я говорю, стремятся и достигают желаемого. Несмотря ни на что.

Можно сказать, эти возвращаются на родину не БЛАГОДАРЯ чему-то или кому-то, а ВОПРОТИВ всему тому, что этому мешает.

Но таких людей мало, если не сказать – единицы. Над ними могут насмехаться (они бросили все, что нажили), им трудно живется, они, как правило, бедствуют (не все, слава Богу). Но они счастливы. Они свободны! Полной грудью вдыхают этот самый волшебный воздух. Они на Родине.

Есть и другие. Приезжают, видят все то же самое, однако у них не хватает духа преодолеть все препятствия. Они уезжают и говорят, что все эти разговоры про родину – несерьезные.

Таких большинство. К сожалению.

Хотя трудно упрекать их в отсутствии подобной доблести. Потому что все, что делают первые – это чистой воды героизм.

Но, повторяю, таких мало. Но они все же есть.

Когда один из них вернулся в Ахалцихе, что только не пришлось выдержать – и угрожали, и камнями забрасывали. Обструкции, провокации. Когда напряжение достигло пика, он попросту вывел свою семью на улицу перед домом и громко сказал – вот они, мы. Делайте с нами что угодно, но мы с Родины не уедем.

Это был поступок. Все недоразумения, как рукой сняло. И фамилию свою восстановил – грузинскую – Хуцишвили. Разыскал в родном селе Цахани христиан Хуцишвили, поддерживает с ними родственные связи.

Другая семья. В Ахалцихской клинике, где он работает, его называют доктор Сарвар. Он пока еще ждет статуса репатрианта, потом собирается восстановить свою историческую фамилию Лазишвили. И до-

мишко, купленный на окраине города, между нами говоря, невзрачный. Но доктор Сарвар светится счастьем: сыновей женил на родине и его род продолжается в Грузии.

Или взять Басадовых, вернувшихся в село Абастумани. Они вспоминают, как трудно было добраться до родной земли. История эта и впрямь детективная. В 70-х годах 18 семей собрали вещи и на свой страх и риск двинулись из Муганской степи Азербайджана. Удалось доехать до совхоза Ачигвары Очамчирского района, недалеко от Гали. Только было успокоились, да тут нагрянули из органов: не положено вам в Грузии жить! Пришлось опять бежать, куда глаза глядят.

Юсуф Басадов оказался в числе первых в Абастумани, когда в 1988 г. вышло постановление грузинских властей о приеме 300 семей месхов. Землю выделили, поставили палатки, начали застраиваться. Радости не было предела... Но не прошло и двух месяцев, как ночью на них напали – с ножами и вилами, порезали палатки... Опять, спасая жизни, бросив все, пришлось бежать. Но нет, сказал Юсуф сыновьям, мы всё равно вернемся, надо только время выбрать. В 2006 году сказал: пора. И поехал покупать дом. Выбрал, сторговался, поднатужились и купили дом – с землей, с садом...

Когда недавно мы были на приеме у Католикоса-Патриарха Грузии Илии Второго, Юсуф попросил Его Святейшество посодействовать в восстановлении его грузинской фамилии. А фамилия-то славная, да и все архивные данные – налицо. Его предок значится в «Посемейных списках села Абастумани Ахалцихского уезда Тифлисской губернии» за 1886 год так: «Хуршуд **Лорткипанидзе**, магометанин-суннит **грузинской народности**».

Патриарх обещал помочь.

Прошлым летом мы были в Ахалцихе на свадьбе. Аладдин Макаридзе женил сына. В 1999-м году, когда он переехал из Азербайджана, с трудом купил в Ахалцихе крохотное жилье. Он приезжал в Тбилиси, в службу репатриации, которой тогда руко-

водил Гурам Мамулия, и где я была старшим специалистом (до того, как мы в знак протеста всем отделом подали в отставку). Аладдин смотрел угрюмо, недоверчиво. Немудрено – ему никак не удавалось оформить свой домишко. Нотариус в Ахалцихе швыряла его паспорт на пол, отказываясь оформлять покупку. Тогда мы сделали это в Тбилиси и считали победой. А прошлым летом на свадьбе мы видели совсем другого человека. Уверенного, счастливого. Фамилия Макаридзе сохранилась у них чудом.

«Вначале здесь мне говорили – ты, мол, присвоил себе фамилию Макаридзе, – рассказывал Аладдин. – Это я-то присвоил? – говорю им. Да я родился с этой фамилией! Мой отец с этой фамилией семь лет воевал за эту землю!»

Между прочим, фамилия Макаридзе тоже зафиксирована в архиве посемейных списков села Оснет 1886 года, откуда Аладдин родом.

Да, однако ж, вернемся к моему собеседнику – Али с Северного Кавказа ищет свою грузинскую фамилию.

Встретились мы с ним на площади Свободы. Я постаралась угадать его и вскоре увидела. Он сидел на лавочке и с живым интересом разглядывал людей. Он ничем не выделялся, если бы не его пытливые взгляды. Курчавый, с усиками, он был похож на грузинского интеллигента из провинции.

Я подошла к нему. Застенчиво улыбнувшись, вскочил, потряс мне руку: «Очень, очень рад вас видеть...» Тут он обронил пакет, из которого выпала книга. И я с каким-то пронзительным чувством увидела, что это был «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели. Он бережно поднял книгу, поправил многочисленные закладки в ней. Так закладывают интересные места в Библии или Евангелии.

– Вы знаете, я будто всю жизнь здесь жил, – оживленно сказал он. – У меня такое чувство, словно все мне знакомы, или даже родня.

Потом добавил: как здорово,

что Грузия установила безвизовый режим для жителей Северного Кавказа, иначе вряд ли можно было выбраться сюда.

Говорил он много и быстро, видно, встреча с родиной его взволновала. Поэтому, наверное, он так рвался поскорее встретиться со мной, чтобы получить ответы на волнующие вопросы.

Я шла в редакцию забрать новые журналы со своей статьей и предложила пройтись туда вместе. По дороге он начал допытываться: как ему узнать свою фамилию?

– А зачем вам грузинская фамилия? – позволила я реплику.

Он сказал, что весь в сомнениях – грузин он или турок? Начал собирать информацию о своем происхождении. Если найдет свою грузинскую фамилию, то будет точно уверен, что грузин.

– Информации о грузинских фамилиях в селе Цахани мало, – сказала я, – по крайней мере, в тех архивах, в которых я работала. Возможно, она есть в других, просто надо искать. В Цахани я встречала только одну грузинскую фамилию – Хуцишвили.

– А, знаю! – воскликнул он. – Я только что из Ахалцихе, был у Магомеда. У-у, он молодец! Как его дети знают грузинский, моим бы так... – И он достал фотографии своих детей – милотидных, черноволосых, с таким же наивным взглядом, как и у него.

– Должна быть какая-то зацепка в поисках фамилии, – продолжала я. – Например, родовое имя, которое обычно служит основой фамилии. Потому что месхи обычно не расстаются с корневой основой грузинской фамилии. В 16-м веке, когда Османская империя захватила Месхети, все ее население было православными христианами. Это видно по переписи, которую турки проводили в 1595 году с целью сбора налогов. Она называлась «Пространный реестр Гюрджистанского вилайета».

Так вот, в селе Свири, например, был зафиксирован некий Гогибашвили. В переписи 1863 года, когда население уже было исламизировано, этот же человек фигурирует уже

как Гогия оглы. То есть, он сохраняет основу своей родовой фамилии. Добавляет или «оглы» (сын) или «гил» (род, клан). В том же Свири – некий Зетиашвили становится позже Зети оглы.

– Так и в вашем случае что-то должно быть, – добавила я.

Али внимательно слушал меня и смотрел во все глаза. Я чуть было не рассмеялась ему в лицо, вспомнив слова одного грузинского историка: «Темноволосые, курчавые, глаза вытарашены, взгляд наивный... Типичное описание месхов в древних рукописях».

Все было в наличии.

Но я сдержалась и продолжала развивать мысль:

– А вот еще интересная деталь. Один наш студент все выяснял у меня свою фамилию, говорил, что их род в селе Татаниси назывался «Фурунджи-гил» («фурунджи» по турецки – «пекарь»). Но это слово негрузинское, оно вряд ли могло быть основой фамилии. Мы долго разбирались. И в какой-то момент меня осенило: а как по-грузински будет «пекарь»? Сказали – «мепурне». В переписи 1944 года в селе Татаниси оказалась фамилия Мепуришвили!

– О нет, – стоял на своём Али, – моя ситуация сложнее. Наш род назывался «Чанчур-гил». Это же турецкое слов? Мы ведь так сливу называем... Тогда какая у меня фамилия?

– Чанчур – это грузинское слово, – возразила я. – Это сорт сливы по названию «венгерка». В «нашем» турецком сохранилось много грузинских слов: «чанчур» (слива), «тавшал» (платок), «шакар» (сахар), «пириндж» (рис)... Так что это грузинское слово.

Мы пришли в редакцию, я познакомила своего спутника, ищущего корни, с журналистами, которым эта ситуация показалась любопытной.

– А вот и ваши! – теперь уже воскликнула я, развернув свои записи и свитки с фамилиями. – Смотрите, в царской переписи 1839 года в селе Цахани зафиксирован некий Ченчур оглы, он же наличествует в 1842 году, а в 1850-м это уже Чанчур оглы.

– Значит мы Чанчуридзе? Или Чанчурадзе? – спросил Али, с живым интересом рассматривая свитки. – А есть такая фамилия?

– Чанчуридзе? Вряд ли, мы не слышали, – сказали в редакции. – Может, Чантурия?

– Я тоже так думал, – сказал Али, тщательно переписывая данные себе в тетрадку. – Даже нашел одних Чантурия в селе Гамарджвеба, недалеко тут от Тбилиси. Мне ребята из нашей грузинской диаспоры «Риони» дали их адрес. Такие славные люди оказались. Но они родом из Кахети, а мы – месхетинцы...

Разговор у нас был публичный, и все, кто его слышал, стали давать

советы – продолжать искать в архивах, съездить в Цахани, поговорить со своими стариками...

– Спасибо, – Али обвёл всех своим наивным взглядом. – Я все записал, даже как проехать до архива на проспекте Важа Пшавела.

Я сказала, что сейчас все грузинские архивы открыты, и там многое можно найти.

Он еще поинтересовался, где можно найти самоучитель грузинского языка и какие-нибудь детские книжки. Ему посоветовали сходить на Сухой мост, этаким блошиный рынок в Тбилиси, где можно найти все.

И мы расстались.

Пару раз он звонил, сказал, что на Сухом мосту отыскал самоучитель, побывал в архиве, говорил с руководителем. Все сотрудники архива, оказывается, были изумлены такой тягой человека к своему прошлому и предлагали свою помощь.

Я порадовалась: в 90-х годах считалось чудом, что месхетинке можно сидеть в архиве и перелистывать ветхие документы Тифлисской казенной палаты 1886 года. Именно там перьевой ручкой с уже выцветшей тушью на старорусском языке с «ятами» была выведена каллиграфическая надпись: «Искандер Дада оглы Бараташвили, магометанин-суннит грузинской народности». И ниже: «Сын Максуд, по наружности – 7 лет». Это был мой дедушка. Я помню, в какой трепет привела меня эта запись, как сильно я была взволнована, хоть я и знала, кто я и что я.

Что же почувствует человек, сомневающийся в своем происхождении и обнаруживший свои корни?

Я пожелала ему удачи.

И мне захотелось, чтобы мой новый знакомый стал принадлежать к первой категории месхов.

Из тех, кто хочет дойти «до самой сути». И, как было точно сказано – «до сущности протекших дней, до их причины, до оснований, до корней, до сердцевины».

Клара БАРАТАШВИЛИ